

Яковлева Александра Михайловна

НОМИНАЦИЯ КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ В ЖАРГОННЫХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ ПРИЗНАКОВ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА)

В статье рассматриваются базовые понятия лингвокультурологии и философии языка: картина мира, концептосфера, концепт. В исследовании представлена концептосфера "кондитерские изделия", которая входит в концептосферу более высокого порядка "еда". В статье рассматриваются жаргонные обозначения признаков личности, номинациями которых является лексика концептосферы "кондитерские изделия".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/58.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. II. С. 213-217. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Асаев А. Ошвичыжат йўксыжат: роман. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1971. 415 с.
2. Горный И. Анжалам сандалькем: лыдышвлӓ, поэма. Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мар. изд-во, 1970. 92 с.
3. Игнатъев Н. В. Айырен нӓлмӓ произведенивлӓ. Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мар. изд-во, 1969. Пӓтӓришӓ том. 366 с.
4. Игнатъев Н. В. Айырен нӓлмӓ произведенивлӓ. Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мар. изд-во, 1971. Кымшы том. 548 с.
5. Игнатъев Н. В. Вурс мардеж: роман. Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мар. изд-во, 1960. 184 с.
6. Ильяков Н. Ф. Пӓльимемвлӓ: рассказвлӓ да повесть. Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мар. изд-во, 1959. 144 с.
7. Канюшков А. М. Кым яратымаш: повесть, шайыштмашвлӓ, фельетон, очерк. Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мар. изд-во, 1973. 224 с.
8. Лекайн Н. Кугезе мланде: роман. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1955. 343 с.
9. Матюковский Г. И. Айырен нӓлмӓ лыдышвлӓ да поэмывлӓ. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1996. 296 с.
10. Матюковский Г. И. Нелӓ ин, нелӓ чӓсӓн: повесть. Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мар. изд-во, 1968. 58 с.
11. Орай Д. Осып Ваня: ойлымаш, фельетон, повесть. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1974. 150 с.
12. Орай Д. Чолга шӓдӓр: повесть. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1950. 216 с.
13. Поствайкин Е. М. Кашкы йогы: роман (пакыла) // У сем. 2007. № 3. С. 3-34.
14. Сергеев М. Т. Салтак корно: Краеведын запискыже. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 206 с.
15. Шабдар О. Мурпого: почеламут, поэма, повесть, статья-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1988. 416 с.
16. Шкетан М. Роман, пьеса, ойлымаш, очерк да статья-влак. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1962. 2-шо т. 552 с.
17. Шкетан М. Роман, пьеса, ойлымаш, очерк да статья-влак. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1962. 3-шо т. 440 с.
18. Шкетан М. Эренер: роман. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1933. 188 с.
19. Юксерн В. Илыш йыжынан: повесть. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1967. 152 с.
20. Ялкайн Я. Я. Ола: повесть. М., 1936. 216 с.
21. Ялмарий Й. Садеран ялем: повесть. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1973. 95 с.

THE MARI SCALING-RESTRICTIVE PARTICLES AND THEIR RUSSIAN EQUIVALENTS

Ertsikova Galina Alekseevna, Ph. D. in Philology

Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev
galina.ehrcikova@yandex.ru

The article is devoted to the consideration of functional-semantic features of the Mari scaling-restrictive particles and to the identification of their Russian equivalents. In the course of the research it is ascertained that scaling-restrictive particles of the Mari and Russian languages have much in common. Nevertheless, the equivalent connection between the particles and units of another language cannot have a permanent nature but will be determined each time depending on the context.

Key words and phrases: the Mari (mountain and meadow) language; particles; the Russian language; equivalent; scaling; restriction.

УДК 81(07)

Филологические науки

В статье рассматриваются базовые понятия лингвокультурологии и философии языка: картина мира, концептосфера, концепт. В исследовании представлена концептосфера «кондитерские изделия», которая входит в концептосферу более высокого порядка «еда». В статье рассматриваются жаргонные обозначения признаков личности, номинациями которых является лексика концептосферы «кондитерские изделия».

Ключевые слова и фразы: концептосфера; концепт; лексема; кондитерские изделия.

Яковлева Александра Михайловна

Московский государственный областной гуманитарный институт
yakovleva1301@rambler.ruНОМИНАЦИЯ КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ В ЖАРГОННЫХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ
ПРИЗНАКОВ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА)[©]

Лексика, связанная с концептосферой «кондитерские изделия», формирует в языке богатейшую область переносных значений. Цель данной статьи – рассмотреть входящую в концептосферу лексику, используемую для характеристики человека, его физических, умственных, моральных качеств.

Кондитерские изделия – это специально изготовленные блюда, которые употребляются в качестве дополнения к основной (жизненно необходимой) пище, доставляющие приятные вкусовые ощущения. Образ сладостей, прежде всего, ассоциируется с получением удовольствий, поэтому чаще всего имеет положительную коннотацию. Однако лексика концептосферы «кондитерские изделия» также служит и для характеристики негативной стороны жизни. Лексемы анализируемой концептосферы часто приобретают иронический подтекст. В нем проявляется насмешливая оценка человека, его физических, внешних данных, моральной и интеллектуальной характеристик.

В основу данного исследования легла теория М. Я. Блоха о «семи воплощениях лексемы», где слово рассматривается, воплощенное в единицах семи уровней языка. Пятое воплощение лексемы – лексикокультурно-распределительное, которое демонстрирует лексему как совокупность лексикол (варианты слова, выражающие его частные, конкретные значения, в которых оно фактически употребляется), объединенных инвариантной семантической основой и разъединенных индивидуальными семантическими признаками, располагающимися лексиколы на разных семантических расстояниях от основы. В ходе развития языка это расстояние может становиться настолько большим, что приводит лексему к распаду на омонимы. При этом омонимичная лексикол может быть выведена за пределы первоначальной словарной статьи, а может, и нет – например, по недосмотру автора словаря [1, с. 310].

Материалом для данного исследования была лексика, взятая из словарей сленга, табуированной лексики и эвфемизмов. Сленг – это совокупность слов и выражений, употребляемых представителями определенных групп, профессий и т.п. и составляющих слой разговорной лексики, не соответствующей нормам литературного языка [8]. Однако именно сленг имеет различные экспрессивные стилевые оттенки, что в значительной степени расширяет прямое лексическое значение общеупотребительных слов.

В данном исследовании мы не делаем различия между американским и британским вариантами английского языка. Для нас интересна вторичная номинация лексики анализируемой концептосферы, независимо от того, в каком варианте языка она представлена. Под вторичной номинацией мы понимаем использование существующих языковых элементов для обозначения новых реалий. Отметим, что в отдельных случаях составители словарей дают социокультурную ссылку на бытование данной лексемы, что позволяет нам обозначить стилевую и психолингвистическую составляющую функционирования некоторых устойчивых выражений.

В сленговых выражениях появляется не просто переносное значение, а некое «третье значение», чаще всего имеющее иронический смысл. Именно он и является главным. В этих смысловых разночтениях раскрывается психологический эффект, описанный А. А. Потебней как «внутренняя форма» слова. Обычно образная полисемия связана с этимологией, которая реставрируется или обыгрывается в живом потоке речи [5].

Рассмотрим образные выражения данного типа.

Порицающий образ неискреннего человека, который склонен к лести, – образ того, кто много и часто льстит, – раскрывается через положительно окрашенные лексемы «сахар» и «мед». *All sugar and honey* – весь из сахара и меда [8]; *sweet as sugar* – сладкий как сахар [Ibidem]; *honey-mouthed* – льстивый, медоточивый, сладкоречивый [Ibidem]; *honeyed* – льстивый, сладкий, медовый [Ibidem]. В данном контексте подчеркивается преувеличенная вежливость человека, желание «подсластить» реальность с целью получения личной выгоды.

Человека, который не отличается твердым волевым характером, часто называют *candyass* (сладкий зад) – слабак, неспособный к действию человек [3]; *chocolate soldier* (шоколадный солдат) – слабак, трус [7]; *jellybaby* (мармеладный ребенок) – слабый, нерешительный человек [Там же].

Данные лексемы имеют разные контекстные значения. Так, другим значением для лексемы «chocolate soldier» является характеристика человека, который ошибочно думает, что он очень влиятельный и важный [9]. Данное выражение построено как оксюморон. Солдат традиционно ассоциируется с мужественностью, в то время как слово «шоколад» не имеет такого значения. Это делает выражение ироническим. Возможно, образ «шоколадного солдата» возник как противоположный образу «стойкого оловянного солдатика». Рассматривать данное противопоставление можно в семантическом аспекте прочности материала. При внешней привлекательности шоколада, его достаточно просто сломать и растопить или просто «съесть», что в данном контексте подчеркивает мнимую «грозность» и мужественность личности. Прилагательное «шоколадный» более привычно в кондитерских идиомах, типа «шоколадный заяц».

Jelly baby – лексема, которая отличается от упоминавшейся ранее *jellybaby* не только тем, что она пишется раздельно, но и имеет другое значение – полный, тучный, пузатый человек [7]. Данный образ связан с первичной номинацией. *Jelly baby* – это мармелад, который своей округлой формой напоминает очертание ребенка. Образ здорового пухлощекого ребенка прочно закрепился в сознании людей. С другой стороны, желе ассоциируется с жиром, который в отношении человеческой фигуры обычно вызывает негативное отношение.

Образ жадности также переключается с образом полноты у человека. Выражение *to like the pies* (досл.: любить пирожки) [Там же] и *pie-eater* (досл.: человек, который ест пирожки) [Там же] употребляются, когда хотят сказать о человеке то, что он либо жадный, либо толстый. Жадность в данной коннотации рассматривается, как стремление удовлетворить непомерные и ненасытные желания. Если данные желания связаны с гастрономическими потребностями, то это может привести к прибавке в весе. Отношение к толстякам, особенно в детстве, обычно чаще всего бывает насмешливым.

Вторичные номинации лексем концептосферы «кондитерские изделия» активно используются не только для характеристики психологических особенностей, но и для описания внешности. Они характеризуют объект посредством акцентирования тех или иных признаков. Вторичные номинации могут быть разными. Они указывают на полноту, худобу, черты лица, как правильные, так и неправильные, особенности строения фигуры. Лексемы *Pudding-pie* (досл.: пудинговый пирог) [4], *plum-pudding* (досл.: сливовый пудинг) [Там же], *pie-wagon* (телега для пирога) [7], *Jelly-Belly* (досл.: желеобразный живот) [4] употребляются, чтобы подчеркнуть полноту. Внешние сходства с кондитерским изделием мы можем видеть при сравнении лица с пирогом, который обычно имеет закругленную форму. Лексема «pie-face» характеризует человека, у которого округлое или невыразительное лицо [9]. Метафорическое значение связано с тем, что все пироги похожи друг на друга, и человек с «пирожковым лицом», по сути своей, безликий, лишенный индивидуальности, бесформенный, как тесто.

Среди гангстеров и поклонников стиля хип-хоп популярно употребление выражений «sake-up» или варианта «saked-up» со значением безобразный, уродливый [7]. За счет чего же в слове «sake» возникает значение безобразности, ведь пирог и пирожное имеют положительное значение? К нему может добавляться и

эстетическая коннотация, как, например, розочка на пирожном. Одним из иронических значений обладает и слово «лепешка», то есть безобразное лицо, человек с лепешкой вместо лица. Негативное значение усиливается тем, что «cake» также обозначает и лепешку из грязи [8]. В этот же семантический и стилистический ряд входит и выражение «коровья лепешка». Очевидно, что в таком прочтении это выражение превращается в ругательство. Оппозиция понятий и образов, перемещающая лепешку из грязи на место лица, имеет древнее карнавальное происхождение. Эстетика средневекового карнавала заключалась в переворачивании понятий, в замене верха и низа, что получало карикатурное значение.

Однако кондитерские изделия по большей части все же ассоциируются с приятными вкусовыми и визуальными ощущениями. Данный факт мы можем подтвердить рядом лексем с положительной оценочной коннотацией внешних данных человека. Вторичная номинация лексики концептосферы «кондитерские изделия» часто направлена на характеристику женщины, ее внешней привлекательности. Визуальная привлекательность – это неотъемлемая часть и кондитерских изделий, что является основой для данного сравнения. Так, «cupcake» (досл.: маленький кекс) характеризует женщину как симпатичную и привлекательную особу [7]. Заметим, что это выражение функционально только в английской концептосфере, где кекс имеет декоративное украшение. «Cupcake» – это маленький кекс, испеченный в индивидуальной форме и украшенный кремом или глазурью. При буквальном переводе на русский язык данная идиома будет звучать комично.

Сравнение образа кекса с образом красавицы продолжается и лексемой «cheesecake». Вторичная номинация слова «cheesecake» (досл.: творожный торт) – «лакомый кусочек», что подразумевает под собой образ девушки с привлекательной внешностью [6]. Данная лексема возникла в связи с появлением журнала для мужчин, в котором публиковались открытые фотографии красивых женщин. Часто на таких фотографиях женщина была с куском десерта, что закрепило образ самой женщины как десерта и породило вторичную номинацию лексем концептосферы для описания соблазнительных женщин.

Характерно, что в русской концептосфере такого кондитерского изделия нет. Из творога делается запеканка или сырники (оладьи из творога, которые в английской концептосфере воспринимаются как блины из творога). Славянский блин имеет другую форму и рецептуру. Блин, оладьи, лепешки у славян не являются десертом. Внешняя привлекательность этих блюд с соблазнительным женским телом никак не ассоциируется. Происходит обратная коннотация. С блином иронически сравнивают широкое, расплывшееся лицо, а также бесформенную или неразвитую женскую грудь – «плоскую, как блин». В повести И. А. Бунина «Деревня» один из персонажей называл свою некрасивую жену «Лепеха» [2]. Вспомним и английское стилистически сниженное выражение «cake-up», при этом слово «cake», в частности, ассоциируется и с «лепешками из грязи». В русской концептосфере есть детская игра, в которой участники лепят «куличики» из песка. Английским соотечественникам этого выражения является «пирог из песка». Показательно, что для этой детской игры используются формочки, напоминающие кондитерские формы для выпекания, иногда их называют «колобашки» (вероятно, однокоренное со словом «колобок», то есть выпеченный шар из теста). «Колобашками» порой также называют и неловко одетых, некрасивых или располневших женщин. В результате, обидные прозвища, «обзывательства» и «дразнилки» такого типа ассоциируются с детской психологией и языком. Традиции вербального хулиганства детей сохраняются и во «взрослом» сленге.

Красивых, миловидных девушек называют «cookie» – «булочка» [3]. Можно предположить, что данный «аппетитный» стереотип появился в то время, когда «пышные» женщины были идеалом красоты. Вторичная номинация слова «biscuit» – это привлекательный человек, как женщина, так и мужчина [7]. Однако образ настоящего привлекательного мужчины не связан с кондитерскими изделиями. Для мужчины не обязательно быть внешне привлекательным. Важнее его моральные качества, такие как уверенность в себе, решительность, невозмутимость. Однако в лексике концептосферы присутствует ряд вторичных номинаций, которые имеют оценочную характеристику мужчине, обычно имеющую иронический оттенок. Возможно, оценочная характеристика мужчин с помощью лексики кондитерских изделий возникла под воздействием оценочной характеристики женщин с помощью уже сложившихся в языке идиом из лексики концептосферы «кондитерские изделия».

Образ мужчины как «кондитерского изделия» особенно ярко проявляется с позиции женского отношения к нему как к представителю противоположного пола. Однако явного различия между употреблением лексики концептосферы по отношению к мужчине и женщине нет. Стоит заметить, что и мужчины, и женщины в равной сфере любят полакомиться кондитерскими изделиями. Однако в концептосфере существует стереотип, что женщины особенно любят есть пирожные и прочие мучные сладкие лакомства. Вспомним, что первыми посетителями кафе были, прежде всего, женщины, и ассортимент кафе был рассчитан на женщин. Там подавались чай, кофе и сладости. Любопытно, что в исламских странах похожий ассортимент – сладости и чай – подаются мужчинам. Возможно, оценка с помощью кондитерских лексем произошла из концептосферы восточных сладостей, а потом трансформировалась на мужчин. Любовь к сладкому стала источником характеристик привлекательности.

В нашем исследовании мы можем говорить также о лексемах, которые непосредственно употребляют для оценки мужчины. Это лексема «stud muffin» (где *stud* – это гвоздь с большой шляпкой, а *muffin* – это кекс) – сексуально привлекательный молодой человек [9] и лексема «woman's crumpet» (досл.: женский лакомый кусочек) – любимец женщин, секс-символ [7], «sweetback» (досл.: сладкий зад) – любовник [9]. Для характеристики женщин используются определенные лексемы: «a piece of crumpet» (лакомый кусочек) – сексуально желанная женщина [8], «cream» (досл.: крем или сливки) – привлекательная молодая женщина [7]. Лексема «milkshake» (досл.: молочный коктейль) также подчеркивает сексуальную привлекательность женщины [Там же].

Вторичные номинации лексики концептосферы «кондитерские изделия» также используются для обозначения социальной роли женщины по отношению к мужчине. Многозначная лексема «tart» (пирог) применяется для обозначения практически всех интимно-социальных отношений между мужчиной и женщиной. Так основным значением этого слова является «жена» или «подружка», однако также данное слово может

переводиться как «проститутка» [9]. Женщину, которая находится с мужчиной во внебрачной связи или в связи с женатым мужчиной, принято назвать «lollipop» – любовница [8], что буквально переводится как «леденец на палочке». Это женщина, в отличие от жены, ассоциируется с временным и быстротечным удовольствием.

В анализируемой концептосфере есть лексика, которая оценивает сексуальную привлекательность человека независимо от половой принадлежности. Сексуальное влечение часто связывается с гастрономическими желаниями, с аппетитом. Слово «cracker» употребляется, когда речь идет о сексуально привлекательной персоне [9]. Такое же значение имеет лексема «cutie-pie» – буквально «милый пирожочек» [Ibidem], в этот же ряд относится слово «cookie» – «булочка» (сексуально привлекательная персона) [3]. Человека привлекающего только внешне, но не обладающего другими положительными качествами, обычно называют «eye candy» (досл.: конфета для глаза) [10]. «Jelly roll» – буквально «рулет с джемом» – женщина как сексуальная партнерша, а также мужчина-любовник [7].

В особую группу мы выделяем слова, которые употребляются как обращение к тому, кто любим. Таково слово «honey» (мед) как ласковое обращение, которое мы можем интерпретировать по-разному. Так, мы можем перевести лексему «honey» как голубчик, голубушка; милый, милая [8]. Также лексема «honey» употребляется в сочетании с другими лексемами. «Honey-baby» (букв.: медовая малышка) – дорогой, дорогая [9]; «honeymoon» (досл.: медовый сбор) – милая, дорогая [8]; «honeycakes» (букв.: медовый пирог) – дорогая, любимая [Ibidem]. Еще одно обращение, которое содержит лексемы концептосферы «кондитерские изделия», – это «sweetie pie» (досл.: сладкий пирожок) – дорогая, любимая; дорогой, любимый, золотко [6]. Данные примеры подчеркивают положительную коннотацию лексем концептосферы «кондитерские изделия», так как они используются при обращении к близким людям.

Отрицательную коннотацию лексика анализируемой концептосферы приобретает при описании полового влечения к лицам своего же пола как вид сексуальной ориентации. «Brownie-hound» (шоколадная гончая), «chocolate bandit» (шоколадный бандит), «chocolate-dipper» (шоколадный красильщик) переводятся как мужчина-гомосексуалист [7]. Возможно, употребление таких лексем приобретает функции эвфемизмов и связано с необходимостью заменить неудобное в сложившейся обстановке слово «гомосексуалист». Мы можем предположить, что употребление лексики концептосферы связано с ассоциативным рядом, который возникает при восприятии человека противоположного пола как «десерта», однако в данном контексте эта оценочная коннотация приобретает иронический подтекст, который мы можем увидеть в русской лексеме «сладенький».

Лексема «сладенький» употребляется, когда речь идет о мужчинах нетрадиционной ориентации. В данном случае эта лексема имеет отрицательную коннотацию, так как в ней подчеркивается несвойственная мужчине женственность, которая обычно ассоциируется с чем-то нежным и сладким. Уменьшительно-ласкательный суффикс «-еньк» в слове «сладенький» усиливает этот ироничный оттенок. Мужчина в данном случае сравнивается с женщиной, однако те черты характера, которые ценятся в женщине, воспринимаются с иронией, если обладателем таковых становится мужчина. Поэтому гомосексуальный сленг звучит комично.

Отрицательную коннотацию лексика концептосферы «кондитерские изделия» часто приобретает, когда речь идет об интеллектуальных способностях человека. Лексемы «balmy on the crumpet» (безрассудный), «crackers» (крекер), «fruitcake» (фруктовый пирог), «half-baked» (недопеченный) употребляются, когда говорящий хочет подчеркнуть ограниченность умственных способностей человека, о котором идет речь. «Balmy on the crumpet» (досл.: ароматный на голову) переводится как спятивший, рехнувшийся, выживший из ума [Там же]. «Crackers» (крекеры) употребляется как синоним слова «crazy» — ненормальный, сумасшедший, безумный, безрассудный [10]. Также стоит заметить фонетическое созвучие слов «crackers» [крекер] и «crazy» [крейзи]. В древнеанглийском языке существовала аллитерационная рифма, традиции которой обнаруживаются в данном языковом явлении.

Цветовое восприятие кондитерских изделий также важно для оценки людей. Обычно цветовое сравнение связано с цветом кожи человека и его национальностью. «Chocolate drop» (досл.: шоколадное драже) используется, когда речь идет о чернокожем или «цветном» человеке [7]. В противоположность шоколадному цвету ставится цвет мороженого, которое по своей традиционной рецептуре состоит из молока или сливок, что обуславливает цвет десерта. Выражение «ice cream» – мороженое – употребляется как пренебрежительное обращение к белому человеку [Там же]. Обычно данная лексема входит в сленг школьников африканского и южноазиатского происхождения.

Члены организации Всемирной ассоциации девочек-проводников и девочек-скаутов разделены на возрастные группы. Младшая возрастная группа имеет название «Brownie». В нашей концептосфере «brownie» – это шоколадный кекс или печенье, обычно прямоугольной формы с молотыми орехами. Установлено, что название данной возрастной подгруппы девочек-скаутов произошло от сказочного персонажа, доброго домового, который ночью выполняет работу за своих подопечных. Дословно «brownie» можно перевести как «коричневый человечек», который противопоставляется светлокожим феям [8]. Однако возникает и другая ассоциация, которая связана с одной из задач девочек-скаутов. Специально по заказу организации «Герлскауты США» производится печенье, приобрести которое можно только на благотворительных базарах или акциях. Также девочки обходят дома, предлагая купить такое печенье. Образ школьницы, которая продает выпечку, прочно закрепился в сознании людей.

Лексика концептосферы «кондитерские изделия» активно используется в сленге наркоманов. Одним из наиболее распространенных и эффективных способов конспирации является использование жаргонных слов и выражений, в которых присутствуют лексемы, связанные со сладостями. Торговца наркотиками обычно называют «sandy man» (продавец конфет) [Ibidem]. Образ конфеты не случаен в данной коннотации, так как наркотики ассоциируются с получением удовольствия. Для наркомана доза запрещенного вещества связывается со «сладостями», «наслаждением». Образ кондитерских изделий возникает также при описании

наркотического и алкогольного опьянения. Лексема «baked» – обкурившийся – характеризует человека, который находится под воздействием наркотической субстанции, применяемой для курения. В данном контексте слово «baked» – испеченный [7], «выпеченный» является синонимом слова «finished» – «готовый». Лексема «pie-eyed» (глаза с формой пирога) употребляется как синоним слову «drunk» – «пьяный» [9].

Концептосфера «кондитерские изделия» также ассоциируется и с финансовым положением человека. В данной коннотации «хлеб» противопоставляется «кексу». Человека, который отличается практичностью своих интересов и заботой в первую очередь о личных житейских выгодах и удобствах, называют «breadhead» [Ibidem] (букв.: хлебная голова). Составляющим элементом данной лексемы является лексическая единица – «head», которая показывает, что человек увлечен чем-то, поглощен достижением результата. В нашем случае господствующая мысль – это процесс зарабатывания денег. Лексеме «breadwinner» можно дословно перевести как человек, который «выигрывает хлеб», тот, чьи доходы являются основными в семейном бюджете [8]. В русском языке аналогом этого выражения может считаться слово «кормилец». Противопоставляется данному образу образ бездельника, лежебоки и гуляки, который выражается лексемой «cake-eater» буквально «поедатель кексов» [Ibidem].

Особым пластом лексики, входящей в концептосферу «кондитерские изделия», являются прозвища. Такие прозвища обычно возникают на основе ассоциаций, связанных с профессиональной деятельностью, хотя данный человек к этой профессии может и не относиться. Следы ремесла сохраняются в фамилиях. Наиболее частотными английскими фамилиями считаются Смит, Фишер и Бейкер. Фамилия «Бейкер» входит в изучаемую концептосферу. Для нас интересно, что существует ряд устойчивых ассоциаций, которые переходят в идиомы. Так «Doughy», то есть буквально «тестообразный, рыхлый», неотделимое прозвище человека по фамилии Бейкер по ассоциации со словом «dough» – «тесто» [4]. Одним из важных составляющих выпечки является мука, и это также отразилось на ассоциативном ряде прозвищ для человека по фамилии Бейкер. «Snowy», то есть дословно «снежный», — неотделимое прозвище человека по фамилии Бейкер [Там же]. Так, «baker» – это пекарь, который обсыпан мукой, как снегом. По той же модели формируется прозвище человека по фамилии «Cane». Устойчивым выражением становится сочетание «Sugar Cane». За человеком по фамилии Cane закрепляется прозвище «Sugar» (сахар) [Там же]. Вероятно, в таком контексте прозвище приобретает дополнительный иронический смысл, ассоциируется со сленгом геев – двусмысленным словом «сладкий».

Таким образом, мы рассмотрели лексемы, входящие в концептосферу «кондитерские изделия», бытующие в сфере англоязычного сленга. На основе социокультурного и психолингвистического анализа мы обнаружили, что большинство лексем концептосферы «кондитерские изделия» имеют непрямую, ироническую маркированность. Контекстуальная синонимия сближает кондитерское удовольствие с чувственным, эротическим. В свою очередь смешение атрибутов «женского» и «мужского» образных пространств становится источником дополнительного комического эффекта. Смешение разных характеристик восходит к смеховым традициям средневекового карнавала. Иронический характер имеет и сближение кондитерских лексем с душевным расстройством. Источником подобных сближений, вероятно, становится ассоциация сумасшествия с детством. Психика и этика безумца и ребенка осознаются как родственные явления, что также вызывает иронию. Кондитерские образы используются и для относительно нейтральных характеристик визуального сходства людей разной национальности и профессии с объектами и лексемами, входящими в анализируемую сферу языка. Все это указывает на семантическую продуктивность и парадоксальную полисемию лексики концептосферы «кондитерские изделия» в сфере сленга.

Список литературы

1. Блох М. Я. Философия слова: семь воплощений лексемы // Преподаватель XXI век. 2010. № 2. Ч. 2. С. 302-315.
2. Бунин И. А. Деревня [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/BUNIN/bunin_derevnya.txt (дата обращения: 28.04.14).
3. Кудрявцев А. Ю., Куропаткин Г. Д. Англо-русский словарь-справочник табуированной лексики и эвфемизмов: ок. 10 000 слов и выраж. М.: КОМТ, 1993. 304 с.
4. Леонович О. А. Краткий словарь английских прозвищ: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2007. 183 с.
5. Потехина А. А. Теоретическая поэтика: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / сост., вступ. ст. и коммент. А. Б. Муратова. Изд.-е 3-е, испр. СПб. – М.: Филологический факультет СПбГУ; Издательский центр «Академия», 2010. 384 с.
6. Словарь американских идиом: 8000 единиц / оформл. А. Лурье. СПб.: Лань, 1997. 464 с.
7. Торн Т. Словарь современного англоязычного сленга. М.: Астрель; АСТ, 2010. 479+1 с.
8. Abbyu Lingvo [Электронный ресурс]. ABBYY Lingvo 12 European (LHRP1200009024613205). Выпуск: 12.0.0.422. Артикул: 5124.
9. Ayto J., Simpson J. The Oxford Dictionary of Modern Slang. Second edition. Oxford University Press, 2010. 373 p.
10. Holder R. W. How Not to Say What You Mean: the Oxford Dictionary of Euphemisms. Oxford University Press, 2007. 412 p.

NOMINATION OF CONFECTIONERY IN JARGON DESIGNATION OF PERSONALITY TRAITS (BY THE MATERIAL OF THE ENGLISH SLANG)

Yakovleva Aleksandra Mikhailovna
Moscow State Regional Institute of Humanities
yakovleva1301@rambler.ru

The article considers the basic notions of linguo-culturology and philosophy of language: worldview, conceptual sphere, and concept. The research presents the conceptual sphere –«confectionery», which is included in the conceptual sphere of a higher order –«food». The article considers the jargon designations of personality traits, which nominations are the vocabulary of the conceptual sphere –«confectionery».

Key words and phrases: conceptual sphere; concept; lexeme; confectionery.